

УДК 821.161.1

ОППОЗИЦИЯ «МЕЧТА – РЕАЛЬНОСТЬ» В КРЫМСКОМ ТЕКСТЕ

БРЮСОВА В. Я.

Иванова Н. П.

**Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: N-P-Ivanova@yandex.ru**

Статья посвящена исследованию средств реализации бинарной оппозиции «мечта – реальность» в Крымском тексте В. Я. Брюсова. Наличие указанной антиномии свидетельствует о влиянии романтического мировосприятия на становление ментального пространства автора. В ходе исследования рассматриваются стихотворения, написанные в периоды пребывания В. Я. Брюсова в Крыму и свидетельствующие об ожидаемом и осознанном воздействии этого региона на ментальную эволюцию поэта. Первые крымские произведения указывают на наличие в его мировоззрении элементов характерной для романтиков философии двоемирия, не позволяющих воспринимать окружающий мир во всей его полноте. Затем происходит сознательный отказ от них, и в творчестве В. Я. Брюсова отчетливо и последовательно реализуется не только пространственная, но и аксиологическая вертикаль, эксплицирующая устремленность к высшим ценностям. Результатом такой ментальной эволюции является появление мировоззренческой системы, характеризующейся цельностью и гармоничностью, представлением о неразрывном единстве человека и окружающего мира, а также преодолением оппозиции «мечта – реальность». Однако в позднем творчестве происходит частичная переоценка образа Крыма в сознании автора и актуализация указанной антиномии.

Ключевые слова: Крымский текст, ментальное пространство автора, бинарная оппозиция, мечта, реальность.

ВВЕДЕНИЕ

Предложенный исследователями поэтики и структурной организации художественного текста (Ю. М. Лотманом, Ю. В. Манном) во второй половине XX века метод анализа бинарных оппозиций является одним из главных средств изучения реализации феномена авторского сознания в художественном тексте. Именно он дает возможность исследовать особенности ментального пространства автора, понимаемого нами как аксиологическая система автора, выраженная посредством пространственных характеристик. Об актуальности такого подхода для современного литературоведения свидетельствуют, к примеру, такие научные работы, как «Бинарные оппозиции в творчестве Андрея Платонова» Ю. А. Сухомлиновой (2005), «Бинарные оппозиции как способ концептуализации художественной картины мира А. А. Кима» А. Р. Хайрутдиновой (2012), «Бинарные оппозиции как основополагающие элементы мифологической и фольклорной картин

мира» Н. В. Соловьевой (2014) и др. Это закономерно, так как, по утверждению Ю. М. Лотмана, «...в основе внутренней организации элементов текста, как правило, лежит принцип бинарной семантической оппозиции» [7, с. 252]. Однако произведения В. Я. Брюсова в указанном аспекте изучены не были, хотя они становились объектом внимания современных исследователей, о чем свидетельствуют работы, в том числе, посвященные крымской теме в творчестве поэта: «Итертекстуальность поэзии В. Брюсова» А. Х. Сатретдиновой (2004), «Теоретико-литературные взгляды В. Я. Брюсова» (2007) В. В. Калмыковой, «Эстетические принципы В.Я. Брюсова» (2012) Е. С. Тайлаковой, «Крымские пейзажи в творчестве Валерия Брюсова» З. А. Дубинец и К. В. Демотко (2016). В названных работах исследователи указывают на романтические традиции в брюсовском творчестве и, в частности, на характерную для мировосприятия приверженцев этой художественной системы философию двоемирия, выражающуюся в противопоставлении мира мечты и мира реальности. Для преодоления этого противоречия, как известно, романтики и отправлялись в экзотические края – например, на Кавказ и в Крым. Следовательно, закономерной представляется необходимость исследования средств реализации бинарной оппозиции «мечта – реальность» в Крымском тексте В. Я. Брюсова, что и является целью предлагаемой статьи. Под Крымским текстом (термин А. П. Люсого [8]) мы вслед за В. В. Курьяновой понимаем «семантически связанную с Крымом систему представлений о человеке и мире», закрепленную в литературном произведении [5, с. 5].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Романтические традиции в творчестве В. Я. Брюсова обусловлены значительным влиянием личности и творчества М. Ю. Лермонтова на мировосприятие юного поэта. Этот факт зафиксирован в «Лермонтовской энциклопедии» и автобиографии поэта: «Мой восторг перед Лермонтовым... был неумерен... Его мятежная поэзия всегда была любимицей юности» [2, с. 75]. Ранняя брюсовская поэма «Король» (1891) была написана как подражание «Демону», а «мелких стихов, в которых отразился

Лермонтов, и не счесть» [2, с. 75]. Юного поэта привлекали такие мотивы раннего лермонтовского творчества, как одиночество, разочарование в окружающем мире, невозможность найти понимание и встретить «родную душу». Следствием этого и явилось формирование оппозиции «мечта – реальность» в его ментальном пространстве, о чем свидетельствуют и наблюдения литературоведов: «Творчество Лермонтова... помогло Брюсову оформить антиномию действительности и мечты» [9, с. 29-30].

Именно эти факторы, как представляется, определили на начальных этапах брюсовскую поэтическую рецепцию Крыма. Всего поэт побывал в Крыму пять раз: впервые в 14-летним подростком и в последний раз – незадолго до смерти. Видимо, сначала он ожидал от посещения этого края настолько сильных впечатлений, чтоб они смогли если не сгладить, то смягчить остроту оппозиции «мечта – реальность», поэтому впоследствии (в 1908 году) так подробно опишет разочарование молодого романтика – А. С. Пушкина – при первом знакомстве с Крымом. Вспомним и первые стихотворные впечатления М. Ю. Лермонтова от созерцания моря: «И наконец я видел море, / Но кто поэта обманул?... / Я в роковом его просторе / Великих дум не почерпнул; / Нет! как оно я не был волен, / Болезнью жизни, скукой болен...» («Примите дивное посланье...») [6, Т. 1, с. 444]. Конечно, речь идет не о Черном море, однако перед нами воплощенное несоответствие мира мечты, связанного со сменой привычной обстановки и созерцанием морского пейзажа, миру реальности, в которой человек лишен возможности достичь желаемого идеала. Интересно, кстати, что однокурсником В. Я. Брюсова по Московскому университету был В. Ф. Саводник – автор известного исследования «Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева» (1911).

Сходные с пушкинскими и лермонтовскими чувства и мысли возникли и у двадцатитрехлетнего В. Я. Брюсова после приезда в Крым в 1896 году, а стихотворение «Четкие линии гор» – тому подтверждение; «Четкие линии гор; / Бледно-неверное море... / Гаснет восторженный взор, / Тонет в безбрежном просторе. / Создал я в тайных мечтах / Мир идеальной природы, - / Что перед ним этот прах: / Степи, и скалы, и воды!» [1, Т. 1, с. 111]. Это не только своего рода

мировоззренческая калька ментальных пространств ранних А. С. Пушкина (В. Я. Брюсов отмечает, что даже в элегии «"Погасло дневное светило"... еще нет ни малейшего следа восторга перед Крымом») и М. Ю. Лермонтова («Но кто поэта обманул?...»). Это устойчивая характеристика брюсовского ментального пространства, обусловленная не только влиянием романтических традиций, но и присущими символистам апокалиптическими ожиданиями, особенно ярко реализовавшимися в литературных произведениях рубежа XIX-XX вв. Об этом свидетельствует еще одно крымское стихотворение В. Я. Брюсова того же года: «Есть что-то позорное в мощи природы, / Немая вражда к лучам красоты: / Над миром скал проносятся годы, / Но вечен только мир мечты. / Пускай же грозит океан неизменный, / Пусть гордо спят ледяные хребты: / Настанет день конца для вселенной, / И вечен только мир мечты» [1, Т. 1, с. 112]. П. Дегтярев и Р. Вуль так характеризуют мировоззрение поэта в указанный период: «Брюсов в это время выступал со стихами, резко отрицавшими действительность. Окружающий мир, природа, люди, общественная жизнь – все казалось поэту враждебным и достойным презрения. Только мир мечты вечен, только он удел поэта – проповедовал Брюсов» [3, с. 135]. Исследователи видят в этом стихотворении отголоски эстетической теории поэта о бессилии природы перед мечтой [3, с. 136].

Однако со временем, в отличие от М. Ю. Лермонтова, В. Я. Брюсов нашел в себе силы преодолеть антиномию «мечта – реальность», принять окружающий мир и, подобно А. С. Пушкину, воспринять Крым как средство такого преодоления, ведь именно эта роль отводилась полуострову в романтических ожиданиях, так как буквально накануне поездки туда – 3 апреля 1898 года – поэт написал в дневнике: «Жду Крыма» [2, с. 34].

Интересно, что это происходит вполне осознанно: преодоление указанной ментальной антиномии представляется как направленная внутренняя работа, необходимая для достижения внутренней гармонии. Женившись в сентябре 1897 года и приехав в Крым с женой в конце апреля 1898 года, поэт поселился сначала в Ялте, где 15 апреля сделана следующая дневниковая запись: «Буду учиться любить природу, и небо, и зеленое море, и берег с неподвижными кипарисами. Я пришел не

проклинать, а любить. Неужели мне не станут близкими белые чайки, влажные камни, безобразные дельфины в волнах!» [2, с. 35]. Таким образом в брюсовском мировосприятии начинается серьезный перелом.

Изменения происходят весьма стремительно. Уже через 3 дня – 19 апреля – В. Я. Брюсов написал: «Сказочная страна! Таврида! Веришь преданиям, веришь картинам, веришь, что все это действительность, что есть прелесть в природе» [2, с. 35]. Следовательно, антиномия «мечта – реальность» преодолена, т.к. реальное оказалось максимально приближенным к мечтаемому, во всяком случае, в авторском ментальном пространстве, к сознательному изменению которого автор прилагает достаточно много усилий, так как ровно через неделю – 22 апреля, когда молодая чета уже находилась в Алушке, В. Я. Брюсов пишет в автобиографии: «Делаю все, что подобает туристу и любителю диких красот: слушаю море, карабкаюсь на скалы, осматриваю разные развалины. Не я буду виноват, если и теперь не сумею “полюбить» природу. Написал “Картинки Крыма”, четыре стихотворения, приготовленные со всей возможной благопристойностью» [1, Т. 1, с. 593].

И еще через неделю – 30 апреля 1898 года – написано следующее стихотворение, запечатлевшее особенности художественной рецепции Крыма в брюсовской лирике: «Где подступает к морю сад, / Я знаю грот уединенный: / Там шепчет дремлющий каскад, / Там пруд недвижим полусонный. / Там дышат лавры и миндаль / При набежавшем тихом ветре, / А сзади, закрывая даль, / Уходит в небо пик Ай-Петри» [1, Т. 1, с. 163]. С одной стороны, мифологема сада – отсылка к Эдему, к раю, в данном случае, видимо, обретенному или, скорее, обретаемому. В стихотворении отчетливо выстраивается не столько пространственная, сколько аксиологическая вертикаль, реализующая устремленность в высший мир и к высшим ценностям, вектор которой указывает пик Ай-Петри. Это весьма красноречивое свидетельство того, что происходит внутренне перерождение. Во всяком случае, декларируется стремление к нему. С другой стороны, вновь отчетливо эксплицируется граница между миром мечты и реальности: желаемое «там», что повторено трижды, за пиком Ай-Петри.

Однако изменения в ментальном пространстве автора очевидны, этот процесс закономерен и необратим, он сродни прозрению. Его кульминация наступила ровно через 2 недели – 13 мая 1898 года, когда В. Я. Брюсов написал следующее стихотворение: «Словно птица большая / Неизведанных стран, / Поднялся, улетаю, / Беспощадный туман... / Вновь зеленые склоны / Нам открылись; и лес / Отвечал, возрожденный, / На приветы небес» [1, Т. 1, с. 164]. Перед нами вновь отчетливо эксплицированная устремленность ввысь, явно обозначенная связь с высшим миром и открытая декларация внутреннего возрождения. Об этом свидетельствует и запись в дневнике от 8 мая, в которой поэт оценивает свое восприятие мира и, соответственно, Крыма в упомянутом 1898 году: «„Блажен, кто смолоду был молод“». Мне много говорит этот почти опошленный пушкинский стих. Я не был молод смолоду, я испытывал все мученья раздвоения. С ранней юности я не смел отдаваться чувствам. Я многим говорил о любви, но долго не смел любить. Два года тому назад, проезжая по Крыму, я не решался без дум наслаждаться природой. Я был рабом предвзятых мнений и поставленных себе целей. О, много нужно было борьбы, чтобы понять ничтожество всех учений и целей, всех „почему“ и „зачем“ и мнимой науки, и мнимой поэзии! Много нужно было борьбы, чтобы понять, что выше всего душа своя. И вот, побеждая все то, что целые годы держало меня в тисках, я достигаю и простоты и искренности, я отдаюсь чувству, я молод...» [2, с. 37].

Знаменательно, что в минуты духовного подъема В. Я. Брюсов обращается к пушкинским строкам, и это, видимо, особенность его ментального пространства, так как 19 мая 1898 года поэт написал в дневнике: «...сегодня поднимались на Ай-Петри, смотрели бесконечную даль моря, берег с его соснами, кипарисами, фиговыми деревьями – орлов, парящих “со мной наравне”» [2, с. 38]. Прямое цитирование стихотворения А. С. Пушкина «Кавказ», в котором также выстраивается пространственно-аксиологическая вертикаль и эксплицируется преодоление бинарной оппозиции «верх – низ» [4], еще раз подтверждает тот факт, что В. Я. Брюсов оценивает Крым сквозь призму пушкинского мировосприятия.

В середине июня 1898 года Брюсовы уехали из Алушки в Феодосию, которая своей портовой суетой напомнила им обыденность городов средней полосы России и

произвела гнетущее впечатление. Они поспешно покинули Крым, сожалея о том, что так недолго были на Южном берегу.

А через год супруги вновь приехали в Алупку. Результаты внутренней работы, о которой поэт писал годом раньше, оказались незыблемыми, что доказывают следующие строки, написанные 21 июля 1899 года: «Обошла тропа утес, / Выше всходят буки. / Позади лесные звуки, / Крики птиц, и диких коз. / Впереди редет лес, / Камни у вершины, / Ветра свист, полет орлиный, / Даль земли и даль небес» [1, Т. 1, с. 166]. Вновь отчетливая устремленность ввысь, выстраивание пространственно-ценностной вертикали, соединение земного и небесного. В стихотворении воссоздана объёмная, можно даже сказать, многомерная картина: человек находится в центре мироздания, прорисовано пространство над и под ним, впереди и сзади, его окружают звуки природы, флора и фауна, при этом мир поразительно динамичен и гармоничен. Картина не антропоцентрична и не природоцентрична: человек и природа органично соединены в единое целое, соответствуя высшему замыслу. Тогда же, в июле 1898 года, В. Я. Брюсов написал: «Мерно вьёт дорога / Одинокий путь. / Я в руках у бога, / Сладко дышит грудь. / Гордо дремлют буки, / Чаша без границ. / Все согласны звуки / С голосами птиц. / Манит тихим зовом / Зашумевший ключ. / Ветки свисли кровом / От пролетных туч. / Близкий, бесконечный, / Вольный лес вокруг, / И случайный встречный / Как желанный друг» [1, Т. 1, с. 168]. Так выглядит картина абсолютно гармоничного мироздания: стерты все границы между человеком и природой, человеком и человеком и, что самое важное, между человеком и Богом, сотворившим бесконечный мир (на это указано дважды), всегда готовый защитить человека от ненастья и невзгод. О чем еще можно мечтать? Таким образом, Крым подарил В. Я. Брюсову удивительно цельную картину мироздания, заставил отказаться от демонического отрицания окружающего мира и уверенно пойти по пути к его Творцу, преодолев ментальную оппозицию «мечта – реальность».

В последний раз В. Я. Брюсов посетил полуостров в 1924 году. Стихотворение «Крым», написанное 7 сентября 1924 года (меньше, чем за месяц до кончины), поражает мелодичностью звучания сонорных и гласных, сочетания ассонанса и аллитерации, и свидетельствует о том, что восприятие этого края, с одной стороны,

осталось неизменным: «Лестью солнца в лоск обласкан, / Берег вплел в меандр меандр, / – Франт во фраке! скалы – лацкан; / Ал в петлице олеандр...» [1, Т. 4, с. 436]. Но, с другой стороны, новый век вносит коррективы и в жизнь, и в рецепцию полуденного края. Поэт видит, как человек, осваивая окружающий мир, разрушает его самобытность («В лавр и в мирт блеск ресторана / Вдавит плавкие следы»), и встревожен опасностью разрушения, сложившейся цельной и гармоничной системы мировосприятия: «Эх! что тут вам, nereиды! / Мотор бьет: место взято... / Мертв сон пушкинской Тавриды... / И ревут, идут авто!» [1, Т. 4, с. 436]. Отсылкой к пушкинскому «Бахчисарайскому фонтану» В. Я. Брюсов вновь возвращается к раннеромантической мифологизации этого края, и вновь возникает антиномия идеального и реального мира, однако на этот раз оппозиция «мечта – реальность» оказывается непреодоленной: «Где Мария? Где Зарема? / Кто нас песней обманул?» / Берег-франт к дверям гарема / Свой червонец протянул» [1, Т. 4, с. 436].

ВЫВОДЫ

Итак, реализация бинарной оппозиции «мечта – реальность» в Крымском тексте В. Я. Брюсова свидетельствует о влиянии романтических традиций на творчество поэта. Преодоление указанной антиномии является условием достижения внутренней гармонии и осознанной целью его ментальной эволюции. Источником и движущей силой такого рода эволюции является пребывание в Крыму, созерцание пейзажей Южного берега, а результатом – цельная и гармоничная мировоззренческая система, основанная на понимании единства человека и окружающего мира как реализации высшего замысла. Анализ средств экспликации этой системы в творчестве В. Я. Брюсова является перспективой дальнейших исследований.

Список литературы

1. Брюсов, В. Я. Собрание сочинений. В 7-ми томах [Текст] / В. Я. Брюсов. – М.: Художественная литература, 1873.
2. Брюсов, В. Я. Дневники 1891-1910 [Текст] / В. Я. Брюсов. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1927. – 204 с.

3. Дегтярев, П., Вуль, Р. У литературной карты Крыма [Текст] / П. Дегтярев, Р. Вуль. – Симферополь, 1965. – 400 с.
4. Иванова, Н. П. Оппозиция «верх – низ» в лирических произведениях А. С. Пушкина о Кавказе [Текст] / Н. П. Иванова // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XXI международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – С. 9-15.
5. Курьянова, В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого: Дисс. ...канд. филол. наук: 10.01.02 Русская литература [Текст] / В. В. Курьянова. – Симферополь, 2013 – 241 с.
6. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений: В 4-х томах [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – М.: Художественная литература, 1976.
7. Лотман, Ю. М. Об искусстве [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1998. – 704 с.
8. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе [Текст] / А. П. Люсый. – СПб., 2003. – 314 с.
9. Максимов, Д. Е. Брюсов. Поэзия и позиция [Текст] / Д. Е. Максимов. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1969. – 240 с.
10. Манн, Ю. В. Динамика русского романтизма [Текст] / Ю. В. Манн. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 384 с.

References

1. Bryusov V. Y. Sbranie Sochinenii. V 7-mi Tomakh [Collected Works. In 7 Volumes]. M.: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1873.
2. Bryusov V. Y. Dnevnik 1891-1910 [Diaries 1891-1910]. M.: Publishing House of M. and S. Sabashnikovs, 1927. 204 p.
3. Degtyarev P., Vul R. U Literaturnoi Karty Kryma [At the Literary Map of the Crimea]. Simferopol, 1965. 400 p.
4. Ivanova N. P. Oppozitsiya «Verkh – Niz» v Liricheskikh Proizvedeniyakh A. S. Pushkina o Kavkaze [Opposition “Up-down” in A. S. Pushkin's Lyric Works about

- the Caucasus]. Pushkin's readings - 2016. Art strategies of classical and new literature: genre, author, text: materials of the XXI International Scientific Conference. S.-Pb.: Leningrad State University Press, 2016. P. 9-15.
5. Kuryanova V. V. Krymskii Tekst v Tvorchestve L. N. Tolstogo: Diss. ...Kand. Filol. Nauk [Krymsky Text in the Works by L. N. Tolstoy]. Simferopol, 2013. 241 p.
 6. Lyusy A. P. Krymskii Tekst v Russkoi Literature [Crimean Text in Russian Literature]. S.-Pb., 2003. 314 p.
 7. Lermontov M. Y. Sobranie Sochinenii: V 4 Tomakh [Collected Works: In 4 Volumes]. M.: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1976.
 8. Lotman Yu. M. Ob Iskusstve [About Art]. S.-Pb.: Art Publ., 1998. 704 p.
 9. Maksimov D.Ye. Bryusov. Poehziya i Pozitsiya [Bryusov. Poetry and Position]. L.: Sovetskii Pisatel Publ., 1969. 240 p.
 10. Mann Yu. V. Dinamika Russkogo Romantizma [The Dynamics of Russian Romanticism]. M.: Aspect Press, 1995. 384 p.

OPPOSITION “DREAM - REALITY” IN CRIMEAN TEXT OF V.Y. BRUSOV

Ivanova N. P.

The article is devoted to the study of the means of realization of the binary opposition “dream - reality” in V. Y. Bryusov's Crimean text. The presence of this antinomy indicates the influence of the romantic world view on the formation of the author's mental space. The study examines poems written during the periods of V. Y. Bryusov's stay in Crimea and testifying about the expected and conscious influence of this region on the poet's mental evolution. The first Crimean works indicate the presence of elements characteristic for the romanticism philosophy of dual conception of reality. These elements do not allow to perceive the world around in its entirety. Then there is a conscious rejection of them, and in the work of V. Y. Bryusov not only the spatial, but also the value vertical, realizing the striving for the highest values, is clearly and consistently explicated. The result of such a mental evolution is the emergence of a worldview system which is characterized by wholeness and harmony, the idea of the inseparable unity of man and the world around him, as well as overcoming the opposition “dream - reality”. However, in later works, there is a partial reappraisal of the image of the Crimea in the mind of the author and the actualization of this antinomy.

Keywords: Crimean text, author's mental space, binary opposition, dream, reality.